

*КЛЮКИН П. Н.,
д.э.н., профессор НИУ ВШЭ,
Финансового университета при Правительстве РФ*

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. И. ЧУПРОВА И М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Вопрос о сопоставлении взглядов А. И. Чупрова (1842–1908) и М. И. Туган-Барановского (1865–1919) интересен прежде всего в контексте воссоздания целостного облика отечественной экономической мысли дореволюционного периода [2]. Речь может прямо идти — если мы собираемся не просто вспоминать историю ради представлений об «общей культуре» экономиста, но еще и проблематизировать ее, — о том, с кого начинать отечественную интеллектуальную традицию для целей демонстрации ее продуктивного развития. Однако здесь мы имеем свидетельства и в ту, и в другую сторону.

С одной стороны, «справедливо можно сказать, что до Чупрова, до издания им своего «Курса [политической экономии]» (1877, 1-е литографированное издание), у нас в России были правда отдельные ученые-экономисты, издавались отдельные экономические исследования большего или меньшего научного достоинства, но не было русской экономической науки. <...> Только с появлением всестороннего и всепоглощающего труда А. И. Чупрова у нас народилась своя экономическая наука, появилась плеяда русских экономистов, разрабатывающих эту научную область на почве русских экономических отношений, во имя задач местной экономической жизни» [11, с. i–ii]. Александр Иванович Чупров был широко известным профессором политической экономии, 25 лет занимавшим кафедру в Московском университете (1874–1899). Он был одним из основоположников русской статистики, общественным деятелем с большим организационным талантом (стоял, в частности, у истоков Политехнического музея в Москве, Московского общества распространения технических знаний), членом-корреспондентом Петербургской АН (по разряду историко-поли-

¹ Доклад на междисциплинарной конференции «А. И. Чупров — великий сын России» (14 декабря 2017 г.), секция 1 «Политическая экономия и история экономической мысли». Благодарность Б. А. Мягконову за организацию конференции и приглашение выступить на ней с докладом.

тических наук, с 1887 г.). Он также воплощал в себе лучшие черты старой московской интеллигенции (вставая здесь в один ряд с Т. Н. Грановским)¹.

Однако собственно оценки его творческого вклада в экономическую науку неоднозначны. Первые ученики оставили восторженные отклики (А. Ф. Фортунатов, А. Н. Анцыферов, С. Н. Булгаков, А. С. Посников, Н. А. Каблуков, И. И. Иванюков, В. А. Косинский, статистики В. И. Орлов, Н. К. Карышев). Тенденция, наметившаяся в XX в., особенно во второй его половине, являет нам, в противоположность, крайне сдержанные и даже отрицательные суждения, в основном со стороны ученых западного толка (А. В. Аникин, Й. Цвайнерт, отчасти М. Г. Покидченко). Исключение составляют историки-экономисты, изучающие русскую политическую экономию как самостоятельную отрасль знания (Н. С. Шухов, Л. И. Абалкин, Н. К. Фигуровская, Б. А. Мясоедов).

С другой стороны, начало развития *экономической мысли* в России в узком смысле (как *истории экономического анализа*, по Й. Шумпетеру) правомерно связывать с ранними трудами М. И. Туган-Барановского (1890–1894)². В них он сформулировал первую эндогенную теорию циклов (Э. Хансен), но главное — наметил обширную программу «органического синтеза» трудовой теории ценности и теории предельной полезности. В русле этой программы, как мы теперь знаем, сформировались идеи В. К. Дмитриева (1868–1913) и Н. Н. Шапошникова (1878–1939), а также следующих за ними, явно или неявно, В. И. Борткевича (1868–1931), Г. А. Харазова (1877–1931) и Е. Е. Слуцкого (1880–1948, ранняя диссертация «Теория предельной полезности», 1910 г.). Эта линия развития вышла на международный уровень, способствовала появлению в науке в период 1920-х гг., в частности, фигуры В. Леонтьева (проблематика хозяйственного кругооборота) [6]. Однако в этом своем порыве традиция, судя по отечественной литературе, в том числе и литературе последнего времени, сильно оторвалась от национальной почвы. Это противоречие уровня обсуждения теоретических проблем, требующего высокой степени абстракции, и восприятия проблем России с точки зрения национального самосознания до сих пор не является снятым (в гегелевском смысле)³.

¹ Упорядоченные биографические сведения см. в [8, с. 356–357; 12].

² О Туган-Барановском как зачинателе российской традиции экономического анализа, оказавшем сильное влияние в том числе и на В. И. Борткевича, автора проблемы «трансформации стоимостей в цены производства» в рамках теоретической системы Маркса, см. [7, с. 219–221].

³ Недавней попыткой такого «снятия» может служить наш очерк об эволюции экономических систем в рамках предисловия к I тому юбилейного издания «Капитала» Маркса [9, § 14].

Представляется, что жесткая оппозиция «или — или» в вопросе соотношения идей Чупрова и Туган-Барановского сегодня уже не является продуктивной. Задача скорее в том, чтобы найти кумулятивный эффект, т.е. точки пересечения и взаимного дополнения их идей и деятельности исходя из логики суждения «и — и». Тем самым мы приблизимся к пониманию истории отечественной мысли и анализа как своего рода *сетевой структуры*, в которой была бы снята оппозиция «мысль — анализ» и можно было бы генерировать новое знание, в том числе и для пользы сегодняшнего и будущих поколений.

Поскольку Чупров и Туган-Барановский сами принадлежали к разным поколениям, введем контекст. Нижним рубежом обсуждения можно выбрать реформы Александра II и отмену, пусть во многом и формальную, крепостного права в России (1861). Значимыми элементами тогда станут: 1) эволюция классической школы политической экономии, 2) возникновение новых направлений — исторической школы и марксизма, 3) статистические исследования в экономике, 4) «маржиналистский залп» и отклик на него в России.

Новизна идей и мировоззрения А. И. Чупрова, которое сформировалось крайне рано, по-видимому, уже к концу 1860-х гг., хорошо видно из анализа этих четырех моментов. В вопросе трактовки политической экономии он в противоположность Н. Г. Чернышевскому не делал большого акцента на учении Дж. С. Милля (несмотря на многочисленность ссылок в учебных курсах). Это было большим шагом вперед; и Туган-Барановский также двигался в этом потоке идей, то возвращаясь к А. Смиуту и Д. Рикардо, то переходя непосредственно к Марксу. Чупрова привлекали и другие направления, включая экономико-математическое. Заинтересовавшись вычислением цены труда, он впервые, еще до статьи Л. З. Слонимского «Забытые экономисты Курно и Тюнен» (1878), познакомил ученую публику с фамилией О. Курно [1, с. 20] и, видимо, дальше, в начале 1890-х гг. транслировал ее начинающему экономисту-математику В. К. Дмитриеву.

Вера Чупрова в прогрессивную роль науки и знания проявилась при изучении идей исторической школы (был учеником И. К. Бабста, сотрудничал с акад. И. И. Янжулом) и отношениях с марксизмом, в котором он усматривал близость к идеям Ч. Дарвина. Маркса-ученого он также высоко ценил за энциклопедичность, веру в прогресс, где не только богатые, но и бедные найдут свое достойное место. Создаваемая Чупровым в эти годы экономика железнодорожного транспорта была синтезом теории, отечественной практики и прикладных аспектов сельского хозяйства¹.

¹ Хотя, как выяснено И. А. Кузнецовым в своей достойной всяческого упоминания книге [10], первым о влиянии железных дорог на сельское хозяйство заговорил на страницах журнала «Русское сельское хозяйство» М. В. Неручев (1834/35 — 1922) в 1870 г.

Она стояла в целом выше идей Г. М. Цехановецкого («Железные дороги и государство», 1869). И дело не только в том, что Чупров по этому поводу удостоился похвал от Маркса во II томе «Капитала». Чупровское направление имело продолжение у проф. Московского университета Н. Н. Шапошникова (1878–1939) в его схеме железнодорожных тарифов [20]. В таком подходе к марксизму, когда он как теория замыкается на практику, отличие Чупрова от академических марксистов: Н. И. Зибера (влияние которого он тем не менее, по-видимому, испытал)¹ и позже И. И. Рубина.

Влияние исторической школы обогатило Чупрова и его труды, образно говоря, одним плюсом и одним минусом. Плюс — в чуткости Чупрова к проблемам общественных институтов и институциональной среды в целом, включая трактовку института денег и кредита (здесь он до работ А. Н. Миклашевского и А. М. Рыкачева был у нас, по-видимому, в числе главных авторитетов по проблеме). Минус же видится в отсутствии видимого внимания Чупрова к учению физиократов при обсуждении политико-экономических проблем (этот пробел в 1895 г. закрыл проф. В. Э. Ден, позже в 1920-е гг. — И. И. Рубин). В результате Чупров и концепцию кругооборота экономики в духе «Tableau économique» не затрагивал, и не улавливал разработок экономистов-аграрников, которые напрямую выводили на рациональную организацию сельского хозяйства с применением маржинального типа анализа (И. фон Тюнен, по новейшим аграрно-историческим исследованиям, А. П. Людоговский). Это, однако, характеризует тип мышления Чупрова-ученого как практико-ориентированного экономиста с широким кругозором и большой интуицией.

В статистических исследованиях Чупрова в полной мере проявились его организационный талант (земское движение, перепись г. Москвы 1882 г. и др.), любовь к науке, естественно-научным изысканиям, практической реализации идей, что немаловажно — просветительству. Он видел в статистике (заметим, еще до начала биометрического движения Ф. Гальтона и К. Пирсона) то, чего, по-видимому, не было у Г. Ахенвалля, И. П. Зюсмилля и даже у А. Кетле: способность статистики давать новое знание в общественном масштабе, служить своего рода «метеорологией общества». (Эту точку зрения твердо унаследует, кроме прочих, Е. Е. Слуцкий в своей «Теории корреляции» 1912 г.) Не случайны в этом отношении усилия Чупрова по созданию статистических учреждений, отчетов, анкет — всего того, что бы упорядочивало деятельность ученых-

¹ Если рассматривать научно-исследовательские традиции Киевского университета св. Владимира, то ближе всех к Чупрову по типу исследователя будет стоять, по-видимому, врач, естествоиспытатель и экономист С. А. Подолинский (1850–1891). См. об этом ценную биографическую книгу [16].

статистиков. Здесь он вставал в один ряд с лучшими представителями статистической науки своего времени (с 1885 г. был членом Международного статистического института, делегатом международных Статистических съездов). Чупров не оставил в науке статистического метода, который однозначно бы связывался с его именем¹. Но занимаясь усовершенствованием комбинационных статистических таблиц, а еще больше оказывая поддержку молодежи, он сделал так, что за ним пошли другие, причем из числа лиц с разными политическими убеждениями: Н. А. Каблуков, далее С. А. Первушин и др., Ф. А. Щербина (публиковался, как и Чупров, в «Русских ведомостях» и «Отечественных записках»), отчасти А. В. Пешехонов (1867–1933), В. Ф. Арнольд (1872–1918), С. Н. Прокопович (1871–1955), Вл. С. Войтинский (1885–1960) и др. Возникла статистика крестьянских и рабочих бюджетов. Более того, созданное при Московском университете в 1911 г. Общество имени А. И. Чупрова для разработки общественных наук уделяло большое внимание именно статистическим исследованиям. В число членов-учредителей входили, кроме упомянутых имен, еще видные экономисты и статистики В. Я. Железнов (товарищ председателя), С. Н. Булгаков (до начала 1915 г.), А. А. Мануйлов, А. Е. Лосицкий, а также сын Чупрова А. А. Чупров. Цель общества состояла в изучении тенденций социально-экономического развития России, что соответствовало устремлениям А. И. Чупрова.

Обращаясь теперь к моменту 4, а именно к вопросу о маргинализме и о его проникновении в Россию, можно наблюдать, что позиции Чупрова и Туган-Барановского, которые, не будем забывать, принадлежали к разным поколениям, интересным образом сближаются. В своих трудах Чупров несколько раз ссылается на К. Менгера, признавая влияние австрийской школы. Первая статья 25-летнего Туган-Барановского об учении о предельной полезности благ как причине их ценности [13] сродни по духу ранней статье 25-летнего Чупрова [1], который тоже искал и находил на Западе новые перспективные научные направления. Туган-Барановский защищал свою магистерскую диссертацию по теории кризисов и циклов в Московском университете именно у Чупрова (1894), что может свидетельствовать о серьезном взаимопонимании по научным взглядам. Туган-Барановский, как и Чупров, имел склонность приурочивать свои труды большей частью к текущему злободневному моменту, живо откликаясь на запросы времени (по свидетельствам Н. Д. Кондра-

¹ Метод не просматривается и в капитальном 2-томном издании «Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» (1897), отредактированным Чупровым совместно с проф. А. С. Посниковым. Тем не менее точка зрения на социально-экономическую статистику как на самостоятельную науку была четко высказана им в 1894 г. [19].

твева начала 1920-х гг.). Оба — и Чупров, и Туган-Барановский — отрицательно относились в целом к применению математического метода в экономике¹. Но, опять-таки, оба верили в прогресс знания и его благородную роль для подъема экономики. (В ОР РГБ, в частности, хранится переписка Туган-Барановского с русским книговедом и популяризатором науки Н. А. Рубакиным о включении книг по экономике в сводный перечень книг для читающей публики.)

Университетский курс Чупрова 1891—1892 гг. по теории политической экономии не содержал основ маржинализма Лозаннской и англо-американской школ. Однако в нем обсуждается, например, вопрос, который будет серьезно поставлен в науке только с 1920-х гг. Речь идет о различии между техникой и экономией, чем вплотную будет заниматься и «юная» историческая школа, и молодой В. Леонтьев (в 1925—1928 гг.), испытывший, в свою очередь, влияние Туган-Барановского и Дмитриева. В то же время Чупров в отличие от Туган-Барановского осознавал значение теории конкуренции для создания теории ценности². Этот факт подтверждается и в рецензии Дмитриева на «Основы политической экономии» Туган-Барановского 1909 г. [4].

Однако наибольшее сближение предмета исследований Чупрова и Туган-Барановского демонстрирует все же теория кризисов и циклов. Перу Чупрова принадлежит, по-видимому, первая в России профессиональная работа по экономическим циклам [17], потому что идеи, высказанные в кружке И. В. Вернадского в конце 1850-х гг., а также статья А. А. Исаева «О причинах хозяйственных кризисов» (1888) не являются по большому счету строго научным обсуждением проблемы. В своей статье Чупров высказал идею о роли технологического фактора в формировании циклов, которую потом будет отстаивать Дмитриев (в противоположность Туган-Барановскому) в своем втором очерке по теории конкуренции О. Курно и выводов из нее [5]. Поэтому в современной диспозиции теорий циклов Чупрова можно отнести к эндогенному технологическому направлению, с акцентом на использовании понятия «человеческий капитал». Он и в теории сельского хозяйства (прежде всего земледелия) представал по преимуществу технократом. «Если резюмировать конечную аграрно-экономическую концепцию Чупрова, то она заключается в признании главной,

¹ Свою точку зрения на математический метод Туган-Барановский четко высказал в переписке с И. И. Янжулом 1913 г., кстати сказать, видным представителем исторической школы в России [14].

² «Перечисленные мотивы производят между отдельными членами общества борьбу интересов, которая называется соперничеством, конкуренцией. Соперничество и служит силой, направляющей действия отдельных лиц и подчиняющей их общему закону меновой ценности» [18, с. 240].

непосредственной движущей силой хозяйственного развития не рынка, а науки и знания» [10, с. 112 по верстке].

Стоит отметить в заключение, что оценка творческого наследия Чупрова может оказаться существенно искаженной, если не учитывать (предложенный, в частности, в данной работе) контекст исследований экономистов российской традиции и не изучать эту традицию все глубже и с большим охватом имен и концепций. Если же не изучать российскую мысль в ее многообразии (один из вариантов см. в [3]) или же изучать ее с заранее предвзятыми трактовками, то тогда может получиться следующий достаточно тривиальный вывод: наследие Чупрова есть «странный конгломерат из концепций Милля, Маркса и «младшей» исторической школы»... И затем следующая оценка Чупрова-ученого: «Вряд ли способный к самостоятельному анализу эклектик, в весьма противоречивой манере комбинирующий фрагменты западных теоретических подходов с традиционными русскими идеями» [15, с. 231, 238].

Литература

1. А. Ч. Математическое вычисление цены труда // Отечественные записки. — 1867. — № 11.
2. *Абалкин Л. И.* Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. — М.: Институт экономики РАН, 2000.
3. *Агеев А., Мясоедов Б. А. И.* Чупров — формирование русского древа экономических наук // Экономические стратегии. — 2017. — № 7.
4. *Дмитриев В. К.* Новый русский трактат по теории политической экономии (М. И. Туган-Барановский. Основы политической экономии. СПб., 1909) [Рец. на кн.] // Русская мысль. — 1909. — № 11.
5. *Дмитриев В. К.* [1904] Экономические очерки. (Серия I: Опыт органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности) / науч. ред. П. Н. Клюкин. — М.: ГУ ВШЭ, 2001.
6. *Клюкин П. Н.* Элементы теории хозяйственного кругооборота в трудах российских экономистов-математиков конца XIX — первой трети XX в. — М.: ИЭ РАН, 2010.
7. *Клюкин П. Н.* Туган-Барановский Михаил Иванович // Новая российская энциклопедия / под ред. В. И. Данилова-Данильяна. Т. 16 (2). — М.: Энциклопедия, 2016.
8. *Клюкин П. Н.* Чупров Александр Иванович // Новая российская энциклопедия / под ред. В. И. Данилова-Данильяна. Т. 18 (1). — М.: Энциклопедия, 2017а.
9. *Клюкин П. Н.* Схематизм политико-экономических понятий: эвристический мысленный эксперимент по «Капиталу» Маркса // Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. — М.: Эксмо, 2017б. (Серия «Великие экономисты».)
10. *Кузнецов И. А.* Очерки истории «сельскохозяйственной экономии» в России: XIX — начало XX в. — М.: РАНХиГС, 2018 (в печати).

11. *Кулябко-Корецкий Н. Г.* Александр Иванович Чупров // Труды Вольного экономического общества. — 1908. Т. 1. Кн. 1–2.
12. *Мясоедов Б. А.* Александр Чупров. Многогранность характера, филигранность ума // Мир новой экономики. — 2014. — № 2.
13. *Туган-Барановский М. И.* Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности // Юридический вестник. — Т. 6. — Кн. 2. — СПб., 1890. — № 10.
14. *Туган-Барановский М. И.* Неизвестный М. И. Туган-Барановский / отв. ред. Л. Д. Широкоград, А. Л. Дмитриев. — СПб.: Нестор-История, 2008.
15. *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России. 1805–1905. 2-е изд. — М.: ГУ-ВШЭ, 2008.
16. *Чесноков В. С.* Сергей Андреевич Подолинский. — М.: Наука, 2001.
17. *Чупров А. И.* О характере и причинах современного промышленного кризиса в Западной Европе // Юридический вестник. — 1889. — Кн. 2. — Февраль.
18. *Чупров А. И.* Курс политической экономии. — М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913.
19. *Чупров А. И.* Россия вчера и завтра. Статьи. Речи. Воспоминания / Сост. Т. Ф. Прокопов. — М., 2009.
20. *Шапошников Н. Н.* В защиту так называемой натуральной системы железнодорожных тарифов // Юридический вестник. — 1916. — Кн. XV.